

© 1997 г.

Ж.-П. Гилембе

МИФИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ДОМОВ П. ВАЛЕРИЯ ПУБЛИКОЛЫ

Интерес к одному из отцов-основателей Римской республики Публию Валерию Публиколе (или Попликоле), которому приписывают, например, учреждение секулярных игр (Val. Max. 2. 4. 5) или распоряжение, «чтобы ликторы, которые шествовали перед консулами, каждый месяц переходили от одного из них к другому» (Cic. Rep. II. 31), заметно оживился в последние годы. Этому немало способствовала находка голландскими археологами в 1977 г. надписи из Сатрика: какими бы ни были вопросы детальной интерпретации, которые ставит этот эпиграфический документ, он теперь рассматривается огромным большинством ученого мира как гарантия исторической реальности в конце VI в. до н.э. персонажа по имени «Публий Валерий»¹. Разумеется, это наглядное подтверждение вовсе не означает, что все приписываемые Публиколе дела и поступки должны отныне считаться твердо установленными фактами², но, несомненно, привлекает внимание к связанным с ними данным традиции.

Однако исторический анализ этой основополагающей фигуры, которая для многих исследователей обрела таким образом историческую глубину, каковой ее лишил гиперкритицизм, не входит ни в нашу компетенцию, ни в нашу задачу. Также нет у нас и намерения рассматривать во всей полноте и сложности, в той мере, насколько это позволяют сделать косвенные и фрагментарные данные источников, «мифическую модель»³, каковую все еще представлял собой этот персонаж в ходе последних десятилетий Римской республики. Здесь мы хотели бы только подвергнуть анализу образы и слова, которыми пользовались римские господствующие классы того времени, перерабатывая их и при случае придумывая, в том, что касалось городских домов этого знаменитого персонажа, консула суффекта первого года Республики. Уже этим сказано, до какой степени данное сообщение относится к изучению представлений, а не истории архаического периода, к анализу ментальностей, а не реалий.

Поскольку нам довелось исследовать поведение и предпочтения римских сенаторов последних десятилетий Римской республики в сфере городского жилища⁴, представ-

¹ См. публикацию: *Stibbe C.M. et alii. Lapis Satricanus. Archaeological, epigraphical and historical Aspects of the new Inscription from Satricum* (Arch. Stud. van het Ned. Inst. te Rome. Scripta minora, 5). s'Gravenhage, 1980. Из последующих, уже бесчисленных, исследований отметим: *Coarelli F. Il Foro romano. I. Periodo arcaico*. Roma, 1983. P. 56–63; *idem. Roma sepolta*. Roma, 1984. P. 79–83; *idem. Note sui Ludi saeculares // Spectacles sportifs et scéniques dans le monde étrusco-italique. Actes de la table ronde de Rome 3–4. V. 1991* (Coll. EFR 172). Rome, 1993. P. 211–245, особенно 221–227; *La Rocca E. La riva a mezzaluna*. Roma, 1984. P. 12–20. Из самых последних см. *Arcella L. L'iscrizione di Satrico e il mito di Publio Valerio // SMSR. 1992. 58. P. 219–247*, более критическое, хорошо документированное исследование с новейшей библиографией. О политической интерпретации упоминаемых ниже фактов, но в рамках истории начала Республики, см. одну из последних работ, в которой приводятся ссылки на предыдущие: *Cels-Saint-Hilaire J. L'enjeu des «sécessions de la plèbe» et le jeu des familles // MEFRA. 1990. 102. 2. P. 723–765, особенно 752–757, с картой (p. 749).*

² Ср. *Martin P.M. L'idée de royauté à Rome, des origines au Principat augustéen. I. De la Rome royale au consensus républicain*. Clermont-Ferrand, 1982. P. 315 (диссертация).

³ Несомненно, именно это понятие лучше, чем «политический миф», подходит для обозначения представлений, которыми обросла фигура Публиколы; о предлагаемых определениях см. *Girardet R. Mythes et mythologies politiques*. P., 1986 или *Mythes et politique / Éd. par C.O. Carbonell. Toulouse, 1991.*

⁴ В докторской диссертации, написанной в Университете Прованса под руководством профессора П. Гро и защищенной в феврале 1995 г. Это исследование будет опубликовано в серии BEFAR под названием «*Habitavi in oculis* (Cic. *Planc.* 66). Recherches sur les résidences urbaines des sénateurs romains des Gracques à Auguste: la maison dans la Ville».

ляется, что действительно в сюжетах, передаваемых традицией относительно домов (*domus*) Публиколы, отражаются и превосходно кристаллизуются политические цели размещения жилища сенатора в городе Рима. Оставляя пока в стороне их богатство и разнообразие, рассматриваемые эпизоды можно резюмировать следующим образом: заподозренный в претензиях на царскую власть (после наступления *libertas*), Публикола будто бы сам разрушил свое жилище на вершине одного из римских холмов прежде, чем получил от римского народа участок для постройки дома внизу.

Детальный разбор данных литературной традиции, сообщающих об этих различных моментах, заслуживает нового рассмотрения⁵, с тем чтобы иметь основания показать затем, во второй части статьи, то, каким образом каждый из существенно важных аспектов повествования оказывался в последующие века римской истории в центре полемики или политической пропаганды⁶.

Источники, хорошо известные и легко доступные, не нуждаются во всеобъемлющем цитировании, и достаточно напомнить ссылки:

– о разрушении и переносе дома: Cic. Rep. II. 31. 53; Liv. II. 7; Dionys. V. 19; Val. Max. 4. 1. 1; Plut. Publ. 10. 2–3 et Quaest. rom 91 (285 F); Flor. I. 3; [Aur. Vict.] De vir. illustr. 15; Serv. ad Aen. IV. 410;

– о предоставлении участка общественной земли для постройки нового дома: Cic. De Harusp. resp. 16; Varro et Hyg. ap. Ascon. In Pis. 52 (Clark, p. 13); Plin. NH. 36. 112; Plut. Publ. 10. 6⁷.

Первый дом на вершине Велии и две версии относительно его переноса. Источники прежде всего настаивают на резком осуждении римлянами первого дома Валерия в то время, когда тот после смерти Брута остался единственным консулом (этот дом авторы помещают на Велии⁸, за единственным исключением: Сервий указывает более

⁵ Все же более пристальное изучение различных традиций мы позволим себе отложить до последующего исследования: едва ли разумно предпринимать Quellenforschung по столь ограниченной теме, как городское жилище.

⁶ Из последних работ см. *Coarelli F.* Domus: P. Valerius Publicola // *Lexicon Topographicum Urbis Romae* (=LTUR) / Ed. E.M. Steinby. Roma. V. 2. P. 209–210. В общем виде история Публиколы недавно излагалась в работах: *Edwards C.* The Politics of Immorality in Ancient Rome. Camb., 1993. P. 156 f.; *Mustakallio K.* Death and Disgrace. Capital Penalties with *Post Mortem* Sanctions in Early Roman Historiography (*Annales Academiae Scientiarum Fennicae*. D.H.L. 72). Helsinki, 1994. P. 28 f. Подробный перечень отрывков Плутарховой биографии Публиколы, свидетельствующих о переосмыслении его действий в свете политической борьбы II–I вв. до н. э. приводится в статье *Affortunati M., Scardigli B.* Aspects of Plutarch's Life of Publicola // *Plutarch and the Historical Tradition* / Ed. P.A. Stadter. L.–N.Y., 1992. P. 109–131, особенно 114.

⁷ См. *Lugli G.* Fontes ad topographiam veteris Urbis Romae pertinentes. V. III. Lib. XI. Roma, 1955. P. 315 sq. Источники жизнеописания Публиколы у Плутарха, который дает самое подробное изложение этих эпизодов, к сожалению, известны недостаточно, отчасти из-за отсутствия ссылок у биографа: можно упомянуть Фенестеллу, Кальпурния Пизона, Дионисия Галикарнасского и, возможно, Тита Ливия, Валерия Антиата и Валерия Мессалу Корвина (см. *Flacelière R.* Plutarque. Vies. T. II. P., 1961. P. 52–55). Что касается «De viris illustribus», Л. Браччези в своем «Введении» не рассматривает источники этого отрывка (*Braccesi L.* Introduzione al *De viris illustribus*. Bologna, 1973). Необходимо сразу же упомянуть о колебаниях, с которыми преномен и номен нашего персонажа передаются в рукописях или у разных авторов, с тем чтобы указать, что в дальнейшем эти различия учитывать не будут.

⁸ О Велии, кроме топографических словарей (*Platner S., Ashby T.* A Topographical Dictionary of Ancient Rome. L.-Oxf., 1929. P. 550; *Richardson L.* A New Topographical Dictionary of Ancient Rome. Baltimore – London, 1992. P. 407 f.), см. *Quilici L.* Scomparsa di un colle dalla faccia di Roma // *A Viva*. 1982. 1. 3. P. 62–71; *Dubourdieu A.* Les origines et le développement du culte des Pénates (Coll. EFR 118). Rome, 1989. P. 392 suiv.; 441–445; *Carandini A.* // *La Grande Roma dei Tarquini* / a cura di M. Cristofani. Roma, 1990. P. 38 sg.; *Palombi D.* Tra Palatino ed Esquilino: Velia, Carinae, Fagutal. Storia urbana di tre quartieri di Roma antica. (INASA. Suppl). Roma, 1997; *Terrenato N.* Velia and Carinae. Some Observations of an Area of Archaic Rome // *Papers of the Fourth Conference of Italian Archaeology. The Archaeology of Power. 2* / Ed. E. Herring, R. Whitehouse and J. Wilkins. L., 1992. P. 31–47. Последний автор предлагает признать в Велии укрепленный, но распластавшийся за пределами померия акрополь, связанный с первоначальным городом на Палатине. Совсем недавно М.А. Томеи (*Tomei M.A.* A proposito della Velia / *MDAI(R)*. 1994. 101. P. 309–338, особенно 325–326) снова выдвинул предлагавшуюся некоторыми топографами XIX в. (P. Rosa, O. Gilbert) идею о локализации Велии в восточной части Палатина; по причинам, которые невозможно изложить здесь, это предположение не кажется нам допустимым.

широкую его локализацию – на Эсквилине, in Esquiliis). Такие упреки неразрывно связаны с данными традиции, относящимися к этому холму, который древние считали связанным с древнейшей историей Рима: Ангистий Лабен включает его в Септимонтий (Fest. 474 L), Варрон связывает его с Палатином и наделяет одним из Аргейских святилищ (LL. V. 54). К тому же считалось, что холм этот уже с царской эпохи занимали жилые постройки, в частности, как мы увидим, дворец царя Туллы Гостилия⁹. Это особое значение места оказывается в центре толков, окружающих здание и замыслы консула Валерия. Так, в речи, которую вкладывает в его уста Тит Ливий в момент, когда тот оправдывается перед народом, отчетливо проявляется противопоставление места и личности того, кто его занимает: «значит, основы вашего доверия столь непрочны, что для вас важнее знать, где я, нежели кто я»¹⁰.

Топографическое расположение дома в общем обозначается настойчивым упоминанием о его размещении на вершине: «на вершине Велии» (Liv.: in summa Velia), «на самой высокой точке Велии» (Cic.: in excelsiore loco Veliae), «место, достойное порицания, на довольно высоком и обрывистом холме, нависшем над форумом» (Dionys.: ἐν ἐπιφθόῳ τόπῳ... λόφον ὑπερκεῖμενον τῆς ἀγορᾶς ὑψηλὸν ἐπιεικῶς καὶ περὶ τοῦ...), «в самой высокой точке» (Val. Max.: excelsiore loco), «вход в него был тяжел и труден из-за крутизны» (Plut.: ...δυσπρόσοδον δὲ πελάσαι καὶ χαλεπὴν ἔξωθεν...), «его дом в господствующем положении» (Flor.: eminentis aedis suas), «очень высокий дом» (Serv.: domum... altissimam).

Внешний вид постройки соединялся с местоположением, делая из дома крепость и даже arx inexplugnabilis у Тита Ливия, который, как считается, передает здесь народную молву: «на этом высоком и весьма укрепленном месте (ibi alto atque munito loco) у него была бы неприступная крепость». Тот же мотив, естественно, обнаруживается как у Флора («по внешнему виду крепость», specie arcis), так и в «De viris illustribus» («в очень защищенном месте», tutissimo loco).

И здесь весьма умело вводится сравнение с arx по преимуществу – arx Capitolina: «да живи я хоть в самой крепости на Капитолии...» (ego, si in ipsa arce Capitolioque habitarem...), продолжается защитительная речь Валерия в изложении Тита Ливия. Очевидно, мы в праве заподозрить здесь анахронизм¹¹ в результате наложения более позднего эпизода – истории осужденного в 385/384 г. за стремление к царской власти и нарушение fides M. Манлия Капитолийского, который жил в крепости, блистательно спасенной им от галльской опасности несколькими годами раньше: дом героя, ставший очагом мятежа, был снесен¹². Сопоставление неодобрения, которое навлек на себя Публикола, и санкции, наложенной на Манлия Капитолийского, к тому же ясно выражено у Плутарха, в 91-м «римском вопросе», где автор предлагает объяснять запрет патрициям жить на Капитолии не столько действиями второго, сколько более далекими воспоминаниями об угрозе, которую ощутили сограждане первого. В этом тексте, сосредоточившись на существе своего толкования, Плутарх, конечно, не уточняет местоположение жилища основателя Республики: он ограничивается более расплывчатым указанием на то, что «полагали, будто оно представляет собой угрозу для форума». Этот сугубо политический, не слишком военный подход к пониманию опасности, какую могло представлять расположение жилого дома, вновь обнаруживается в биографии Публиколы (10. 3), где греческий эрудит упоминает «дом, который нависал над форумом и взирал сверху на все, что там происходило. Вход в него был тяжел и труден из-за крутизны, так что когда он оттуда спускался, то создавалось впечатление

⁹ In Veliis (Varr. De vita p.R. apud Non. 852 L); in Velia (Solin. I. 22); см. также ниже данные, содержащиеся у Цицерона. Однако некоторые авторы помещают тот же самый дворец на Целии (Liv. I. 30.1; Dionys. III. 1. 5).

¹⁰ Liv. II. 7. 10: Adeone est fundata leviter fides ut ubi sim quam qui sim magis referat?

¹¹ Однако необходимо заметить, что, как считалось, уже царь сабинского происхождения Тит Таций жил на Арх: Plut. Rom. 20. 5; Solin. I. 18.

¹² О связи между тиранией и крепостью-цитаделью см., например: Jaeger M.K. Custodia Fidelis Memoriae: Livy's Story of M. Manlius Capitolinus // Latomus. 1993. 52. 2. P. 350–363.

царского по пышности выхода»¹³. Попутно заметим, до какой степени публичный образ *domus* связан в римской политической культуре с кортежами при входе и выходе, которые хозяин дома организует во время важных перемещений, особенно в решающие моменты своего *cursus* (выборная кампания; успех, одержанный на выборах или в суде; отправление магистратуры в сопровождении эскорта ликторов; окончание срока магистратуры...) ¹⁴.

Столь же примечательно и то, что именно «остаточный» царский характер самого места, в сочетании с тем, что Валерий не обзавелся новым коллегой по консульству взамен Брута, усиливало выдвинутое против консула обвинение в стремлении к возвращению монархии. Во всяком случае, согласно Цицерону (единственному автору, который при локализации *aedis* настаивает на этом), дом находился «на том самом месте, где раньше жил царь Тулл (Гостилий)» (*eo ipso ubi rex Tullus habitaverat*). Согласно традиции, этот правитель, пораженный гневом Юпитера за неверное исполнение обряда, погиб в огне при пожаре собственного дома¹⁵. Если допустить обоснованность замечания о тождественности места, позволительно даже задаться вопросом, не подразумевает ли оно, что Валерий таким образом пользовался на Велии участком общественной земли, который наряду с прочим царским имуществом был конфискован гражданской общиной¹⁶.

Как бы там ни было, перед лицом таких подозрений и нападков Валерий проявляет инициативу, чтобы самому поменять расположение своего жилища, начав с его разрушения. Здесь в повествовании об этом решении проявляется расхождение между двумя разными прочтениями. С одной стороны, смягченный вариант, стремящийся приуменьшить пункты обвинения, – ему следуют Цицерон и Тит Ливий: строительство было едва начато¹⁷, достаточно было перенести заготовленные материалы (*materia*). Совпадения и сходство между этими двумя авторами в этом пункте не случайны: систематический анализ, убедительно проведенный С. Боскери, позволил этому ученому предложить Кальпурния Пизона в качестве общего источника Цицерона и Тита Ливия¹⁸. Другая традиция, напротив, упоминает о настоящем разрушении, более или менее зрелищном, настолько что Ф. Дюпон без колебаний говорит об «информационном ударе» (*coup médiatique*)¹⁹: «он разрушил свой дом» (*aedes suas diruit*: Val. Max.); «он спешно собрал множество рабочих и в ту же ночь приказал снести и полностью сровнять свой дом с землей» (...ἄλλα ταχὺ πολλοῦς συναγαγὼν τεχνίτας ἔτι νυκτὸς οὐσης κατέβαλε τὴν οἰκίαν καὶ κατέσκαψεν εἰς ἔδαφος πᾶσαν: Plut. Publ. 10. 5); «он послал людей разрушить свой дом» (*immisit, qui domum suam diruerent*: De vir. ill.); «он его снес» (*eam complanavit*: Serv.). Для полноты укажем, что вариант Дионисия Галикарнасского остается более расплывчатым: он дает основания полагать, что дом уже был готов (οἰκίαν...

¹³ ...καὶ βασιλικὸν τῆς προπομπῆς τὸν ἔκον. Напротив, из рассуждения Плутарха о величине и красоте дома нельзя выудить ничего определенного: писатель явно разукрашивает вышивкой канву рассказа (Publ. 10. 2; 5).

¹⁴ Эта тема исследована в четвертой главе нашей диссертации.

¹⁵ Liv. I. 31. 8; Val. Max. 9. 12. 1; [Aur. Vict.]. De vir. ill. 4; Eutrop. I. 4. Согласно Плинию (NH. 28. 14), источником этого рассказа был Пизон; может быть, Цицерон заимствовал у него эту деталь, которую остальные писатели не сохранили? Варрон уточняет кроме того, что отныне место бывшего царского дома занято храмом Пенатов (см. Dubouardieu. Op. cit. P. 399–419).

¹⁶ Похожие вопросы были поставлены и в отношении места капитолийского жилища Манлия, о котором уже говорилось: см. Giannelli G. Il tempio di Giunone Moneta e la casa di M. Manlio Capitolino // BCAR. 1980–81 [1982]. 87. P. 7–36; Grandazzi A. Le roi et l'augure. A propos des *auguracula* de Rome // Caesarodunum. Suppl. 56. 1986. P. 122–153; Ziolkowski A. Between Geese and the Auguraculum: The Origin of the Cult of Juno on the Arx // CPh. 1993. 88. 3. P. 206–219.

¹⁷ Цицерон: «...после того как он приступил к строительству...» (*posteaquam... coepisset aedificare...*); Тит Ливий: «он начал строить...» (*aedificabat*: имперфект глагола обозначает незавершенное действие в ходе его исполнения).

¹⁸ Boscherini S. Una fonte annalistica su Valerio Publicola // Boldrini S. et alii. Gli storiografi latini tramandati in frammenti. Atti del Convegno, Urbino 9–11. V. 1974. StudUrb (B) (49.1). 1975. P. 141–150.

¹⁹ Dupont F. La vie quotidienne du citoyen romain sous la République. P., 1989. P. 171–172.

κατεσκευάσато), но после упоминает только о перемене места (μετατίθεται), без разрушения.

Во всех случаях этот поступок явным или неявным образом, в зависимости от источников, интерпретируется как исполнение наказания, которое, как считалось, сам Валерий наложил на постройки царей после подавления заговора, направленного на реставрацию их власти (Cic. Rep. I 62; Liv. II 5. 1–2; Dionys. V. 13. 2; Plut. Publ. 8. 1), и на сторонников возврата к монархии (Cic. Dom. 101–102; 114; Liv. II. 8. 2; Dionys. V. 19. 4; Plut. Publ. 12. 1). Доказывая таким образом свое безразличие к материальным благам и богатству, Валерий к тому же воплощает добродетель нового порядка Свободы, а участь, выпавшая на долю его жилища, придает его намерениям наглядности. В этом отношении версия Плутарха самая ясная, ибо у этого автора народ выдвигает упреки против дома, «который больше снесенного по его (т.е. Валерия) приказу царского жилища» (Publ. 10. 2: ἐξ οἰκίας τοσαύτης τὸ μέγεθος ὅσην οὐ καθεῖλε τὴν τοῦ βασιλέως), но и в речи у Тита Ливия Валерий сетует на то, что его низвели до уровня Аквилеев и Вителлиев, заговорщиков, известных тем, что они совершили попытку восстановления монархии. Напротив, дом консула должен быть вне подозрения, и его доблестное поведение по сути можно сравнить с поведением Брута, который бесстрастно участвует в осуждении своих собственных сыновей, замешанных в заговор, замышляемый против Республики (Liv. II. 5). Однако П.М. Мартэн, следуя внутренней логике повествования Ливия, справедливо замечает: «потрясающе двусмысленный поступок (...), наложить на себя самого наказание, предусмотренное за преступление, в котором заподозрен, – это любопытный способ доказать беспочвенность этого подозрения!»²⁰.

Таким образом, превращения domus вписываются в совокупность данных традиции, наделяющей одного из первых консулов отчетливо монархическими чертами. И все же обстоятельства разрушения и искоренения жилища, вызвавшего подозрения и навлекшего позор, недостаточны для определения идеального образа жилища «республиканского» правителя: они в лучшем случае всего лишь его предварительное условие. Зато более отчетливо этот образ проявляется в характерных чертах нового здания: «прежде слишком вызывающий замок», domus Публиколы становится «домом образцового гражданина», как пишет Ж. Гаже²¹.

Новый дом: domus на участке общественной земли. Сам по себе выбор нового места уже в высшей степени символичен: «не только на ровное место, но к самому подножью холма перенесу я свой дом, чтобы жить вам выше меня, неблагонадежного гражданина», говорит у Тита Ливия консул, заботясь о том, чтобы обрести свою прежнюю популярность²², прежде чем историк уточнит, что дом разместился «у подножья Велии» (infra Veliam) и «под самым склоном» (in infimo clivo). Это указание подкрепляется данными других древних авторов: sub Velii у Варрона, «на равнине» (in plana) у Флора. Дионисий уточняет, что «он перенес свое жилище к подножью холма» (καὶ τὴν οἰκίαν ἀπὸ τοῦ λόφου μετατίθεται κάτω) и добавляет очень интересное замечание: «чтобы, как он сам сказал перед собранием народа, римляне могли бросать в него сверху камнями, если сочтут его виновным в какой-либо несправедливости». Валерий и его дом, таким образом, восстанавливают уровень гражданской справедливости и, кроме того, располагаются в пределах досягаемости для побития камнями – наказания, грозившего архаическому тирану²³. Сверх того, и более определенным образом, этот перенос повторяет, переводя в сферу топографии,

²⁰ Martin. Op. cit. P. 318.

²¹ Gagé J. Les chevaliers romains et les grains de Cérès au Ve siècle avant J.-C. A propos de l'épisode de Spurius Maelius // AESC. 1970. 25. 2. P. 288.

²² Liv. II. 7. 11: deferam non in planum modo aedes, sed colli etiam subiciam, ut vos supra suspectum me civem habitetis.

²³ Dionys. V. 19. 2: ...ἵν' ἐξείη Ῥωμαίους, ὡς αὐτὸς ἐκκλησιάζων ἔφη, βάλλειν αὐτὸν ἀνωθεν ἀπὸ τοῦ μετεώρου τοῖς λίθοις, ἐάν τι λάβωσιν ἀδικοῦντα. См. Gras M. Cité grecque et lapidation // Du châiment dans la cité. Supplices corporels et peine de mort dans le monde antique (Coll. EFR 79). Rome, 1984. P. 84.

другой, не менее символический поступок, приписываемый Валерию и совершенный им, согласно разным источникам, незадолго до того или чуть позже: то, что он склонил перед народным собранием фасции – знаки власти, унаследованные от монархии²⁴. Перемена места *domus*, таким образом, ясно вписывается в логику определения отношений, которые должны отныне устанавливаться между руководителями нового режима и массой гражданства.

Условия получения нового участка, уточняемые некоторыми авторами, целиком это подтверждают. Формы предоставления участка и статус этого второго дома (*domus*)²⁵ описываются недвусмысленным образом: земля, на которой возводится новое жилище, была предоставлена народом²⁶. Интерес к этому вопросу снова привлекли соображения, недавно высказанные А. Мastrocchinке по поводу носимого Валерием *cognomen*²⁷. По его мнению, поскольку древнейшим вариантом этого когномена было *Publicola* (а не *Plebicola*), прозвище это означает не «тот, кто заботится о народе, чтит народ (*colere*), друг народа...», но скорее «тот, кто проживает на общественной земле», в соответствии со способом словообразования, известным для таких существительных, как *agricola*, *caelicola*, *canalicola*, *silvicola*. В ту эпоху *publicum* не могло обозначать части народа, но лишь весь народ в целом, вооруженный народ, что исключает первое значение, на которое обычно ссылаются. По мнению исследователя, двойная традиция, связанная с погребением Публиколы на общественный счет и с тем, что двери его дома отворялись наружу и вход был обращен к общественному месту, а не вовнутрь, как то бывало обычно (об этих двух сюжетах см. ниже), подкрепляют эту интерпретацию. Кроме того, существование впоследствии на этом месте храма еще раз подтверждает общественный характер земельного участка. Это толкование в общих чертах было намечено Ж. Гаже, но в конце концов тот от него отказался²⁸; с сильными сомнениями встретил его и Ж.-К. Ришар²⁹. Сохраняя верность позиции, которую мы заявили в начале, отметим, что в нашу задачу сейчас не входит вступать в явно запутанную и изнурительную дискуссию: однако стоит подчеркнуть, что, насколько нам известно, в античных источниках эта соблазнительная этимология ни разу не выдвигалась и даже не упоминалась. Коннотации, которыми окружен когномен *Publicola*, заимствованный другими *gentes* и пользовавшийся определенной популярностью, в частности, во времена Августа, не обнаруживают прямой связи с идеей общественного жилища. Даже авторы, по личным причинам наиболее пристрастные, при упоминании Публиколы не прибегают к этимологической игре такого рода.

Среди таких авторов в первый ряд следует поставить Цицерона, который в 56 г. до н.э. напоминает о благодеяниях, полученных им от римского государства осенью предыдущего года во время возмещения и компенсации ему недвижимого имущества, разрушенного и захваченного его врагом П. Клодием в период трибуната последнего в 58 г. При этом он использует лестную для себя параллель с основателем Республики: «Если П. Валерий за свои огромные заслуги перед республикой получил дом на Велии

²⁴ Здесь снова, как тонко замечает С. Боскерини (Op. cit. P. 143. Not. 4), версия Цицерона смягчена (употреблением глагола *demittere* вместо *submittere* = «опускать»).

²⁵ См. *Lenaghan J.O. A commentary on Cicero's Oratio De haruspicum responsis*. The Hague, 1969. P. 102 (*ad loc.*), где автор комментария, допуская путаницу, полагает, что место, которое было получено, – это то, где находился первый дом, еще до обвинений в стремлении к монархии и осуществленного Валерием переноса.

²⁶ См. *Marshall B.A. A Historical Commentary on Asconius*. Columbia, 1985. P. 102–106.

²⁷ *Mastrocchinque A. Il cognomen Publicola // PP. 1984. XXXIX. 216. P. 217–220; idem. Lucio Giunio Bruto. Ricerche di storia, religione e diritto sulle origini della repubblica romana*. Trente, 1988; особенно p. 101–103.

²⁸ *Gagé J. La chute des Tarquins et les débuts de la République romaine*. P., 1976. P. 79–80. Предлагая, в сослагательном наклонении, ту же самую этимологическую гипотезу, этот ученый отмечал, что другой Валерий, также получивший дом на общественной земле, ни брал, ни получал такой же когномен. В конце концов Гаже предпочел видеть в нем «обиходный, разговорный дублет» *magister populi* (p. 87).

²⁹ В своей рецензии на книгу А. Мastrocchinке (REL. 1989. 67. P. 349) и затем в статье (*Richard J.C. A propos du premier triomphe de Publicola // MEFRA. 1994. 106. 1. P. 407. Not. 13*) Ж.-К. Ришар считает, что древнейшая форма – *Poplicola*, и приходит к выводу, что всякий раз как такое прозвище появляется – у Геллиев или Випстанов в Риме или у человека по имени С. *Cartilius Poplicola* в Остии, – это происходит «столь же мало понятным образом».

за государственный счет, то я удостоился восстановления моего дома на Палатине; он получил место, а я, сверх того, стены и кровлю; он должен был сам защищать его (дом) при помощи частного права; мой же от имени государства должны защищать все магистраты»³⁰. Не возвращаясь к вопросу о локализации, по необходимости более неопределенной в этом отрывке из речи Цицерона в защиту его собственного дома³¹, необходимо подчеркнуть, что консул 63 г. до н.э. строго различает земельный участок и строение, а в своей речи против Пизона летом 55 г. до н.э. он еще раз настаивает на этом³².

То, что гражданская община предоставила лишь земельный участок, подтверждается всеми другими источниками, кроме одного. Плиний употребляет слово *аеа*, обозначающее участок земли; Варрон (которого цитирует Юлий Гигин в ссылке, приведенной у Аскония) указывает на «дарение государством места под дом» (*aedium publice locum* – текст, полученный после внесения совершенно логичного исправления в рукописное чтение); Тит Ливий не упоминает о дарении участка, но указывает, что Валерий использовал свои собственные строительные материалы, что иным образом выражает частный характер постройки. И только Плутарх³³ позволяет предположить, что народ взял на себя также и строительство: «в самом деле, Валерия приютили друзья, до тех пор, пока народ не отвел ему место и не выстроил ему дом скромнее прежнего» (...τόπου ἔδωκεν ὁ δῆμος αὐτῷ καὶ κατεσκεύασεν οἰκίαν ἐκείνης μετρίωτέραν...: Publ. 10. 6). Следовательно, представляется разумным принять более общепринятую версию, рискуя высказать предположение, что сообщение, упоминаемое греческим биографом, обязано своим происхождением либо его собственной неточности, либо замечанию Валерия Антиата, который был не прочь еще более приукрасить память о Публиколе.

Изложение сведений относительно второго дома иногда завершается замечанием относительно использования места, на котором тот стоял, на протяжении последующих столетий. Эти сообщения пытались увязать с характером выделенной под дом земли. Тит Ливий, который на характере земельного участка внимание не акцентирует, указывает при этом, что дом расположен «на месте, где ныне (*нипс*) находится храм Вики Поты». Р.М. Огилви³⁴ так комментирует это замечание: «Тит Ливий не имеет в виду, что храм заменил собой дом Валериев; он сохранился, тогда как дом исчез». Конечно, храм мог служить только ориентиром в городском пространстве, но ничто не мешает, как нам кажется, думать о преемственности существования дома и

³⁰ *Cic. De har. resp.* 16: P. Valerio pro maximis in rem publicam beneficiis data domus est in Velia publice, at mihi in Palatio restituta; illi locus, at mihi etiam parietes atque tectum; illi quam ipse privato iure tueretur, mihi quam publice magistratus omnes defenderent. Замечание Л. Ричардсона (*Op. cit.* P. 140) по поводу дома Публиколы («Цицерон в *Har. resp.* 16 говорит, что сам дом был подарен государством, но, должно быть, он в этом ошибается»), не слишком понятно.

³¹ Впрочем, выражение «in Velia publice» получено в результате исправления к чтению рукописей, в которых стоит *villa publica* либо *ulla publica*. Вопреки мнению Л. Ричардсона (*Op. cit.* P. 140), эта формулировка не «ошибочна»: в латинском словоупотреблении такая формула (*in* + название холма) обнимает собой и сам холм, и его подножье.

³² *Cic. In Pis.* 52: «понтифики, консулы, сенаторы водворили меня на место и в мою пользу (чего ранее не делалось ни для кого) постановили, чтобы мне выстроили дом на средства государства» (...mihique, quod ante me nemini, pecunia publica aedificandam domum censuerunt).

³³ Однако именно эта версия Плутарха с легкостью принята большинством комментаторов: см., например, *Ogilvie R.M. A Commentary on Livy. Books I–V. Oxf.*, 1965. P. 250, который пишет, что согласно Цицерону (*De Har. resp.* 16, цит. выше), Попликола получил дом in Velia при помощи сбора средств по общественной подписке; *Volkman // RE. II. R. 8. I. Stuttgart*, 1955. Sp. 182–183; *Dubourdieu. Op. cit.* P. 393; *Coarelli. Il Foro romano. P. 82* (но ср. *LTUR. II. P. 210*) также считают, что дом был выстроен на общественный счет. Фраза Дионисия Галикарнасского (*V. 39. 4*: «Римляне проголосовали за триумф двум консулам вместе, а в качестве особой награды постановили даровать одному из них, Валерию, место для постройки дома на лучшем месте Палатина, а также выделить средства на его строительство из государственной казны»), порой по ошибке связываемая с домом Публиколы (*Platner. Ashby. Op. cit.* P. 196; *Ugli. Op. cit.* P. 315–316. Not. 93) в действительности относится, вне всякого возможного сомнения, к дому его брата Валерия Максима.

³⁴ *Ogilvie. Op. cit.* P. 252.

святилища на одном и том же месте. Формулировка Плутарха до точности похожа: «на том месте, где теперь стоит храм, называемый святилищем Вики Поты»³⁵. Варрон, цитируемый Аскинием, использует похожую формулу, но называет святилище храмом Виктории, в чем нет никакого противоречия, учитывая характер Вики Поты в представлении эрудитов конца Республики³⁶. Насколько необоснованной и маловероятной представляется высказанная недавно К. Мустакаллио³⁷ идея о связи учреждения этого культа с утверждением победы республики над царской властью, настолько же нетрудно выделить связи самого Валерия Публикола или Валериев с тематикой победы. Так, в 504 г. до н.э. (согласно Плутарху), Публий был основателем секулярных игр, учрежденных, между прочим, *pro victoria*³⁸. Впоследствии один из Валериев носил когномен *Rotitus*, связанный с исходным кругом понятий Поты, что позволяет допустить предположение о гентильной связи с этим божеством³⁹. Должны ли мы видеть в существовании храма скрытое подтверждение общественного статуса земельного участка? Дело не столь очевидно, каким кажется, ибо в данном случае, как и в других, известных для более поздних времен, история места никогда не излагается настолько детально, чтобы можно было бы определить точную правовую природу предоставления участка и причины возможных изменений в последующее время⁴⁰. Напомним в связи с этим, что Ф. Коарелли предложил видеть новое жилище Валерия в остатках раскопанного Дж. Бони архаического дома, расположенного у Священной дороги возле храма Антонина и Фаустины, графическую реконструкцию которого ранее дал Э. Гьерстад: вместе с тем, как подчеркивает А. Циолковский, никаких следов храма Вики Поты⁴¹ *in situ* найдено не было.

Теперь стоит ненадолго вернуться к мотиву предоставления места под строительство, чтобы отметить, что у разных авторов он представлен по-разному. Цицерон при этом употребляет весьма расплывчатую формулу («за его огромные заслуги перед Республикой»). Варрон определенно связывает его с законодательным предложением, сформулированным самим П. Валерием: значит можно предположить наличие *lex Valeria de domo publica*, о котором, однако, нигде больше не упоминается⁴². Что касается Плиния, то он выводит дарение из звания триумфатора; к этому нам еще придется вернуться. Только Плутарх, подчеркивая непостоянство толпы, награждает исторический анекдот моралью; он прямо увязывает выделение земельного участка с добровольным разрушением первого дома на Велии и упоминает лишь один «триумфальный» дом – тот, что был предоставлен брату Публиколы. Итак, Плиний а *fortiori* оказывается единственным, кто наделяет дом Публиколы «славнейшим

³⁵ *Plut. Publ.* 10. 6: ...ἄπου νῦν ἱερὸν ἔστιν Οὐίκας Πότας ὀνομαζόμενον.

³⁶ Ср. *Cic. De leg.* II. 28; об этом божестве см. *Weinstock St.* // *RE.* II. 8. 2. Stuttgart, 1958. Sp. 2014–2015; о святилище см. *Ziolkowski A.* The Temples of Mid-Republican Rome and their Historical and Topographical Context. Rome, 1992. P. 171–172. 129–131. Реконструированная этимология, согласно которой Вика Пота – «владычица народа (или городов)», (*Hoeng Ch.* // *AJPh.* 1903. 24. P. 323–326), не лишена аналогий с этимологией когномен, носимого Валерием.

³⁷ *Mustakallio.* *Op. cit.* P. 29.

³⁸ *Richard.* A propos du premier triomphe... P. 421. *Not.* 62; по этому вопросу см. также цитированную выше статью Ф. Коарелли.

³⁹ *Gagé.* La chute des Tarquins. P. 103–104; *idem.* L'épreuve rituelle du «gradus» et les origines du culte de Mars Gradivus // *Sodalitas. Scritti in onore di A. Guarino.* I. Napoli, 1984. P. 21–38; особенно 30–33.

⁴⁰ Так, М. Торелли (*Ostraka.* 1992. I. 1. P. 273) предлагает иную интерпретацию, включая эту замену дома Публиколы местом культа триумфальной направленности в ряд свидетельств об использовании под культовые сооружения царских жилищ.

⁴¹ *Gjerstad E.* Early Rome. IV. 2. Lund, 1966. P. 403–417; *Coarelli.* Il Foro romano. P. 79–82; *idem.* Roma sepolta. P. 57–59; *Ziolkowski.* *Op. cit.* P. 172. Строгие предостережения относительно достоверности этой реконструкции, успех которой был столь велик, что она послужила основой при изготовлении макетов к выставке «Великий Рим Тарквиниев» (сегодня хранятся в Риме, в Музее римской цивилизации), высказывались одновременно и по поводу строительных периодов, и в отношении формы самой постройки: см. *Melis F., Rathje A.* Considerazioni sullo studio dell' architettura domestica arcaica // *Archeologia laziale.* VI. Quad. AEI. 1984. 8. P. 387–389 (где авторы сообщают о подготовке более полного исследования).

⁴² Ср. *Rotondi G.* *Leges publicae populi Romani.* Milano, 1912. P. 191.

отличием домов триумфаторов»⁴³, которое он выводит из дополнения к решению о выделении участка под строительство: высшим почетом было то, что двери дома отворялись на улицу. Путаница с домом Валерия Максима, брата Публиколы, здесь очевидна. Тот был награжден за общественный счет домом на Палатине, и, согласно Плутарху (Publ. 20. 3) и Дионисию Галикарнасскому (V. 39. 4), это жилище было единственным, пользовавшимся такой привилегией. Следовательно, сообщение Плиния должно быть отброшено.

Наконец, привлекают внимание обстоятельства и условия похорон и погребения Валерия: решение о похоронах принято голосованием народа, гражданская община берет на себя расходы, женщины надевают траур⁴⁴, для погребения Публиколы предоставлен участок, которым могут пользоваться также и его потомки⁴⁵. Однако место погребения локализуется неподалеку от расположения дома: «совсем близко от форума, у подоножья Велии» (Dionys. V. 48. 3: σύνεγγυς τῆς ἀγορᾶς... ὑπὸ Οὐελίας), «внутри города, возле холма, называемого Велия» (Plut. Publ. 23. 5: ἐντὸς ἄστεος παρὰ τὴν καλουμένην Οὐελίαν)⁴⁶. Совпадение в расположении обоих объектов не дело случая, но, напротив, подчеркивает экстраординарный характер оказанной почести.

Образ Валерия Публиколы и идеальные представления римских сенаторов о городском доме. Существует искушение поискать за картиной, организованной именно так, как та, чьи основные линии мы только что напомнили (в ней друг друга сменяют образ дома потенциального *adfectio regni* и образ *domus* государственного деятеля, увенчанного почестями Республики), приметы определенного автора. Вообще считается, что решающая роль в придании связности и блеска традиции, окружающей предка *gens Valeria*, принадлежит Валерию Антиату; вполне возможно, что роль эту следовало бы несколько приуменьшить⁴⁷, например, отдавая предпочтение влиянию сочинений Кальпурния Пизона. При этом традиция оказалась бы зафиксированной уже в конце II в. до н.э., но следует признать, что отличить одного из этих двух историков от другого – дело тонкое и непростое⁴⁸.

Чтобы воссоздать целостность образа, который при исследовании одной темы поневоле растворяется, нужно также вспомнить о том, что Цицерон как в своих философских произведениях, так и в речах неизменно преуменьшает все сколько-нибудь

⁴³ Plin. NH. 36. 112: Hoc erat clarissimum insigne inter triumphales quoque domos.

⁴⁴ Cic. De leg. II. 23; Liv. II. 16. 7; Dionys. V. 48. 3; Plut. Publ. 23. 5; Quaest. rom. 79; [Aur. Vict.]. De vir. ill. 15. 6; Eutrop. I. 11. Публикола, таким образом, воплощает дорогие для *mos maiorum* добродетели бескорыстия и умеренности.

⁴⁵ Два элгия Валериев I в. до н.э., найденные позади базилики Максенция на улице Храма Мира, даже если они и были, возможно, перемещены, свидетельствуют о сохранении (или возобновлении в эпоху Августа?) присутствия *gens Valeria* на этом месте. Надпись на герме П. Валезия Попликолы занесена в CIL (VI. 1327) также с указанием «sub Velia». Б. Фришер (*Frischer B. Monumenta et Arae Honoris Virtutisque Causa: Evidence of Memorials for Roman Civic Heroes // BCAR. 1982–83. 88. P. 51–86*) поместил эти данные в рамки более широкого исследования алтарей, колонн и почетных надгробных памятников и обратил внимание на то, что источники не дают оснований думать, будто Валериев и в самом деле хоронили на этом месте.

⁴⁶ Если погребение вблизи общественного места – почеть, хорошо известная в греческом мире, то здесь вместе с Т. Моммзеном (CIL I². 1. P. 190) можно видеть еще один отзвук смутного воспоминания о первоначальном погребении покойников прямо в доме, которое сохранялось у римлян (ср. *Serv. ad Aen. V. 64; VI. 152*).

⁴⁷ Влияние Антиата на Цицерона отрицает, например, С. Боскерини (Op. cit. P. 146). Зато представляется очевидным, что ему можно безоговорочно приписать распространение традиции на других Валериев: это ясно в случае с домом М. Валерия Максима по Асконию (см. также *Ogilvie. Op. cit. P. 14*). Возможно, в своем труде он стремился прославить *gens* как семью «популяр» по контрасту, в частности, с Клавдиями. Однако остается открытым вопрос о датировке произведений Валерия Антиата, в частности о том, писал ли он раньше Варрона: о расхождении взглядов по этому вопросу см. *Ogilvie. Op. cit. P. 13; Cloud J.D. The Date of Valerius Antias // LCM. 1977. 2. P. 225–227; Wiseman T.P. Cliv's Cosmetics. Three Studies in Greco-Roman Literature. Leicester, 1979. P. 117–135*.

⁴⁸ *Musti D. Tendenze nella storiografia romana e greca su Roma arcaica. Studi su Livio e Dionigi d'Alicarnasso (QUUC, 10). Roma, 1970. P. 148.*

неприятные стороны «тиранической» традиции ради того, чтобы найти в Валерии Публиколе первый пример, который сам он, как считает, превзошел по масштабу почестей, полученных от гражданской общины. Образ слуги Республики при этом остается незапятнанным: Публикола воплощает правильно занятую позицию, которая сохраняет авторитет магистрата, полностью оберегая при этом и интересы народа; итак, он оказывается очищен от «популярских» (populares) коннотаций и включается в концепцию роли правителя, присущую «оптиматам». Если расширить рамки исследования и рассматривать все творчество Цицерона, не ограничиваясь ни отрывками, относящимися к *domus*, ни речами, в наибольшей степени подверженными исторической деформации, то это впечатление целиком и полностью подтвердится⁴⁹. Публикола предстает основоположником общественной свободы (Flacc. II. 25). Во II книге «Академических трактатов» (Lucul. V. 13) он – один из образцов, на которых останавливается выбор мятежных граждан, имеющих обыкновение превозносить некоторых из знаменитых деятелей прошлого за то, что те были «популярами», для того чтобы самим казаться на них похожими⁵⁰.

Последнее утверждение естественным образом побуждает к попытке определить, поведение кого из политиков могло бы соответствовать в той сфере, которая нас здесь интересует, поведению, приписываемому Публиколе. Если и не представляется возможным привести примеры собственноручного разрушения *domus*⁵¹, то читателю «Параллельных жизнеописаний» Плутарха при мысли об отказе от первого дома на Веллии на ум сразу же приходит поступок Гая Семпрония Гракха. Согласно биографу (CG. 12. 1), в 222 г. до н.э. по возвращении из Африки, в момент, когда он стремился вернуть себе популярность, чтобы в третий раз добиваться трибуната, Гай «первым делом покинул свой дом на Палатине, чтобы обосноваться в более скромном квартале, пониже форума, где проживало большинство простых людей и бедноты»⁵². «Поступок, в высшей степени политический по своему характеру», как подчеркивает Ц. Явец⁵³, это показательное переселение отчетливо вписывается в традицию популяров (*popularis*), приписываемую Публиколе⁵⁴. Возможно, в реальности это было осуществлено путем переезда с самого аристократического в то время холма Рима в район проживания простонародья, расположенный внизу, например Велабр⁵⁵. В политическом плане контекст не лишен сходства: речь шла о том, чтобы повернуть общественное мнение в то время, когда Ливий Друз, начавший раздавать демагогические обещания, вероятно, стал подвергаться сомнению некоторые чрезмерные расходы, совершенные бывшим трибуном (Plut. CG. 2. 4). Сходство это тем более волнующее, что Плутарх приписывает Гракху также и другой поступок, странным образом напоминающий образ действий Публиколы: по своей собственной инициативе и при помощи набранных им рабочих он за одну ночь снес платные помосты, установленные на Форуме перед

⁴⁹ Ср. *Rambaud M. Cicéron et l'histoire romaine*. P., 1953. P. 28.

⁵⁰ ...facere idem quod seditiosi cives solent cum aliquos ex antiquis claros viros proferunt quos dicant fuisse populares, ut eorum ipsi similes esse videantur. Repetunt iam a P. Valerio qui exactis regibus primo anno consul fuit... Для того, чтобы поместить этот отрывок в его контекст, см. *Lévy C. Cicero Academicus. Recherches sur les Académiques et sur philosophie cicéronienne* (Coll. EFR 162). Rome, 1992. P. 159–160.

⁵¹ Единственный пример, представляющий некоторое сходство, – это разрушение роскошного *domus* П. Вегия Поллиона на Эсквилине, произведенное получившим его в наследство Августом (*Ovid. Fast. VI. 639 sq.; Dio Cass. 54. 23. 6*) с тем, чтобы выстроить на его месте общественное здание, *porticus Liviae*.

⁵² Ἐπαυελθῶν δὲ πρῶτον μὲν ἐκ τοῦ Παλατίου μετῴκησεν εἰς τὸν ὑπὸ ἀγορᾶν τόπον ὡς δηριωκώτερον, ὅπου πλείστοις τῶν ταπεινῶν καὶ πεινῶν συνέβαινεν οἰκεῖν.

⁵³ *Yavetz Z. The Living Conditions of the Urban Plebs in Republican Rome // Latomus. 1958. 17. P. 506.*

⁵⁴ В том же духе см. *Vanderbroeck P.J.J. Popular Leadership and Collective Behaviour in the Late Roman Republic* (ca. 80–50 B.C.). Amsterdam, 1987. P. 118. Not. 66; *Botteri P., Raskolnikoff M. Diodore, Caius Gracchus et la démocratie // Demokratia et Aristokratia. A propos de C. Gracchus: mots grecs et réalités romaines / Éd. par C. Nicolet. P., 1983. P. 91.*

⁵⁵ См. *Coarelli F. La casa dell'aristocrazia romana secondo Vitruvio // Munus non ingratum. Proceedings of the International Symposium on Vitruvius' De Architectura and the Hellenistic and Republican Architecture / Ed. H. Geertman and J.J. De Jong (BABesch. Suppl. 2). Leiden, 1989. P. 184. Можно было бы думать также и о Субуре или Аргилете, хотя их топография подходит в меньшей степени.*

гладиаторскими боями, с тем чтобы обеспечить бесплатный доступ к зрелищу для плебса (ibid. 12. 5–6). Надо ли делать из этого вывод, что сходства между Публиколой и младшим из Гракхов представляют собой выдумку, которую следует целиком отнести на счет греческого эрудита, единственного, кто сообщает эти детали? Если и верно, что в упомянутом выше отрывке Цицерона среди почитателей Публиколы Гай не назван (но фигурирует Л. Аппулей Сатурнин, плебейский трибун 100 г. до н.э.), то прямая ссылка на «мятежных граждан», которые выдвигали на первый план provocatio, дает все основания включать Гракха в число исторических примеров, о которых мог думать автор «Академических трактатов».

Зато гораздо менее убедительным кажется нередко предлагавшееся сопоставление с предпочтениями Цезаря в выборе городского жилья: Светоний отмечает только, что будущий владыка Рима проживал в скромном доме в Субуре до своего избрания великим понтификом, которое вынудило его обосноваться в «официальной резиденции» на Священной дороге⁵⁶. Что же до прочих лидеров популяров, наши знания о городских домах, которые они могли занимать, не допускают никаких серьезных сравнений.

Итак, чтобы понять всю значимость и разработанность данных традиции о жилищах Публиколы, так же как и их основополагающий характер, нужно покинуть область прямых (или обнаруживаемых с большой долей вероятности) упоминаний. В самом деле, некоторые штрихи, могущие показаться всего лишь анекдотическими или назидательными, когда они прочитываются в биографии одного из основателей Республики, образуют «направляющие линии» позиции, занимаемой римскими правителями в вопросах городского жилища⁵⁷.

Порицания в адрес дома, расположенного на высоте, – топос, разрабатываемый в риторических школах в связи с жилищем тирана, – неоднократно оказывались вписанными в рамки топографии Рима. Так, историю некоторых vicī, расположенных в нижних частях города, эрудиты связывают с намерением поселить вызывавшие опасение этнические или социальные группы поодаль от городских высот (Var. LL. V. 46. 2; Fest. 247 L). Мы уже имели случай заметить, что обвинение в желании восстановить монархию, адресованное М. Манлию, увязывалось с тем, что у него был дом на холме, занимавшем центральное положение (Liv. VI. 19. 1). В политической полемике эпохи, более надежно документированной в историческом плане, тяжкие обвинения высказывались в 52 г. до н.э. против domus Милона in clivo Capitolino (Cic. Mil. 64), против дома Гн. Пизона, который возвышался над Форумом в 20 г. н.э. (Tac. Ann. III. 9. 3), против дома М. Вестина Аттика, консула 65 г. н.э. (Tac. Ann. XV. 69. 1) в момент подавления антинероновского заговора, против дома брата Вителлия во время гражданской войны 69 г. (Tac. Hist. III. 70. 1–2). Во всех случаях подчеркивалась именно угроза, нависшая над Форумом, политическим сердцем города. Бдительность в отношении нависавших над Римом domus и традиции, устанавливавшие пределы, в которых те не попадали под критику, были, таким образом, весьма живучи. В «Панегирике» Траяну (47. 4–6) Плиний Младший все еще противопоставляет устроенную Домицианом для себя самого на Палатине «крепость» (arx) общественным зданиям (aedes publicae), в которые превратилось это сооружение теперь, в царствование хороших императоров Нервы и Траяна: контраст не лишен переклички с историей Публиколы.

Пожалование земельного участка или domus гражданской общиной – награда, которая не была предназначена исключительно для нашего героя. Только из числа римских граждан, отправлявших магистратуры, кроме другого Валерия, о котором уже упоминалось, подобного отличия удостоились М. Манлий Капитолийский ([Aug. Vict.]. De vir. ill. 24. 5), Маний Курий Дентат, консул 290, 275 и 274 гг., цензор 272 г. до н.э.

⁵⁶ Suet. Iul. 46. 1; Vanderbroeck. Op. cit. P. 118. Not. 66; Weinstock St. Divus Iulius. Oxf., 1971. P. 278–279, где автор выделяет сходства и различия между обоими эпизодами.

⁵⁷ Здесь мы ограничимся упоминанием нескольких направлений исследования, которые детально разработаны в нашей диссертации.

(*ibid.* 33. 10; cf. *Fest.* 49 L), Г. Фабриций Лусцин, консул 282, 278 гг., цензор 275 г. до н.э. (*Ps. Placidus F* 36), один плохо отождествляемый Сципион Назика II в. до н.э. (*Dig. I. 2. 2. 37*), Цезарь в 45 г. до н.э. (*Dio Cass.* 43. 44. 6), Октавиан в 36 г. до н.э. (*ibid.* 49. 15. 5)⁵⁸. При одном только чтении списка награжденных не составит большого труда понять и престиж, которым могла быть окружена эта практика, и то, что она была возобновлена в честь Цезаря (если историческая реальность не искажена состоянием наших источников). Более детальное просопографическое исследование показывает, что устанавливаемая Плинием Старшим (*NH* 36. 112) связь этой награды с триумфом могла, пожалуй, объяснить самые древние примеры, но также и то, что она не может служить единственным объяснением для конца Республики (в частности для Октавиана в 36 г. до н.э.). Как это часто бывает, сообщение энциклопедиста, в котором, быть может, сохранилась память о реалиях архаического триумфа, основано прежде всего на контрасте между славным и давно минувшим прошлым и безобразиями его собственного времени. Куда в большей степени, чем неясность, которой окутано происхождение этого типа дарения, о символических преимуществах, связанных с получением жилья от государства, нам сообщает гиперболическая, риторическая и мистифицирующая эксплуатация Цицероном темы возвращения ему его собственного дома: оратор доходит до уподобления своего дома самой *res publica* (*De har. resp.* 14–16; *In Pis.* 52)!

В случае с Публиколой не следует оставлять без внимания, наконец, и расположение предоставленного ему земельного участка: близость к Форуму и Священной дороге обеспечивали еще больший престиж благодаря тому, что дом стоял на виду, открытый взглядам всех сограждан. Эта необходимость находиться в центре, в сердце общественного пространства города, была одним из неизменных условий, определявших выбор виднейшими римскими сенаторами места для своего жилища⁵⁹.

Место заключения. Временная глубина исторической традиции, окружающей Валерия Публиколу, и разнообразие тематических мотивов, связанных с его городскими домами, побуждают рассматривать эту историческую фигуру, отказавшись от некоторых упрощенных подходов, состоящих в том, чтобы видеть во всем этом просто-напросто исторический роман, выдуманный в более позднюю эпоху одним-единственным анналистом, обслуживавшим интересы амбициозного рода (*gens*).

В действительности совокупность данных образует настоящий диптих. Сперва дом Валерия соединяет в себе многие характерные черты жилища царя и тирана. Затем новый дом (*domus*) того, «кто любит народ», как своего рода архетип иллюстрирует некоторые предпочтения, позиции и стремления, которые мы вправе связывать с имевшейся у популяров концепцией политического деятеля и его городского жилища. Это впечатление усиливается еще более, если не пренебрегать указанием, которое дает только Плутарх (*Publ.* 4. 5): согласно ему, еще до избрания Валерия консулом «его дом всегда был открыт для самых простых людей, которые хотели поговорить с ним или попросить о помощи». В самом деле, это замечание непосредственно связано с идеальным образом *domus* римского политика, в частности плебейского трибуна (*ср. Plut. Quaest. rom.* 81, 283 D): в любой момент его жилище должно считаться открытым для прямого доступа продолжением гражданского пространства⁶⁰. В конечном счете эта двойственность и эта контрастная противоположность подспудных политических

⁵⁸ Впрочем, не тот ли это дом (тесно связанный с храмом Аполлона, строительство которого было предпринято в то же время), что был открыт под именем «дома Августа» в ходе раскопок, ведущихся на Палатине с начала 60-х годов?

⁵⁹ *Ср. Cic. Cael.* 17–18; *Sall. Cat.* 40. 5; *Plut. Mar.* 32. 1–2; *Cic.* 8. 6; *Pomp.* 66. 2; *Caes.* 42. 2; *Dig. I. 2. 2. 37.*

⁶⁰ Читатель наверняка заметил, что это сообщение Плутарха представляет проблему: если относить его к первому дому, то оно оказывается в некотором противоречии с сообщаемыми затем сведениями (*ibid.* 10. 3) о затрудненном доступе и грозном характере жилища. Эта непоследовательность кажется нам показательной для желания Плутарха или его источника дополнить идеальную картину замечанием, необходимым в качестве общего места. *Ср. также ibid.* 10. 6 (цит. выше), где с одобрением отмечается скромность нового дома.

позиций не позволяют воспринимать наши источники как простую кальку с текста Валерия Антиата⁶¹.

Таким образом, в биографии Публиколы собраны замечательно интересные сведения относительно *domus* правителя в древнем Риме. Внимание, уделяемое выбору места для дома, настоятельная необходимость того, чтобы «республиканский» дом не вызывал подозрений, выделение участка общественной земли для строительства на нем жилища как высшее проявление признательности со стороны гражданской общины, доступность и открытость жилища всему коллективу сограждан в действительности представляют собой характерные особенности, определяющие идеальный «стиль жизни» (*mode d'habiter*)⁶² римских правителей. Фигура Публиколы благодаря самоцензуре, осуществленной им в вопросе жилища в Риме, предстает как одна из тех, кем были заложены основы норм *mos maiorum*⁶³.

С точки зрения взаимодействия между частной архитектурой и политической жизнью Публикола постольку, поскольку упоминания о нем не связаны с одной лишь родовой практикой Валериев⁶⁴, может, таким образом, по праву рассматриваться как «основополагающий миф» Республики. Этот мифологический рассказ имеет объясняющий (мотив о происхождении дарения частички общественного пространства) и в то же время вполне связный характер (оба его «сегмента», относящиеся каждый к одному из домов, использовались Цицероном до того, как оказались собранными вместе у Плутарха, а варианты в конечном счете касаются лишь деталей⁶⁵). То, что его переписывали или адаптировали на протяжении времени, в частности, в ходе последнего столетия Республики, из которого, определено, происходит основная часть нашей информации, вовсе не обязательно означает, тем не менее, что составляющие его элементы были искусственным образом придуманы *ex nihilo*.

Ссылки на Валерия Публиколу все еще сохраняли свою действенность в тот момент, когда республиканский порядок клонился к своему упадку⁶⁶. Может быть, Публикола рядом со своим братом Максимом⁶⁷ даже фигурировал среди великих людей Рима, запечатленных в экседре Форума Августа, как то осторожно предполагает Л. Браччези⁶⁸? Если следовать блестящим гипотезам Ф. Коарелли⁶⁹,

⁶¹ Валерий Антиат представляется как анналист, связанный скорее с традицией, благосклонной к делу патрициев, сената и Суллы. Ср. в том же духе: *Affortunati M.* Plutarco. *Vite parallele.* Solone – Publicola. Milano, 1994. P. 305. О двух образах Публиколы см. *Martin.* Op. cit. P. 315–320.

⁶² Об этом удобном понятии см. *Coquery N.* Les hôtels parisiens du XVIIIe siècle: une approche des modes d'habiter // RHMC. 1991. 38. P. 205–230.

⁶³ Разумеется, есть и другие фигуры, воплощающие *mos maiorum*, например, в отношении всего того, что связано с отказом от *luxuria* и от украшения *domus* военными трофеями. Среди них мы снова встречаем Манья Курия Дентата, консула 290, 275 и 274 гг., цензора 272 г. до н.э. (*Cic. Par. stoic. V. 38; [Aur. Vict.]. De vir. ill. 33. 8–9*) и Гая Фабриция Лусцина, консула 282, 278 гг., цензора 275 г. до н.э. (*Dionys. XIX. 15. 1; Val. Max. 4. 3. 6; Aul. Gell. NA. I. 14. 1*); далее следуют М. Клавдий Марцелл, консул 222, 215, 214, 210 и 208 гг. до н.э. (*Cic. 2 Verr. 4. 121; De rep. I. 14. 21*) и Л. Эмилий Павел Македонский, консул 182, 168 и 164 гг. до н.э. (*Cic. De off. II. 76; Val. Max. IV. 3. 8; Plut. Aem. Paul. 28. 11*).

⁶⁴ См. различие, проводимое Цицероном (2 *Verr. IV. 81*) в связи со Сципионом Африканским. В том же духе см. *Weinstock.* Op. cit. P. 279. Not. 6.

⁶⁵ См. *Musti.* Op. cit. P. 108.

⁶⁶ Об использовании чередования *Publicola/Plebicola* в последний век до нашей эры см. *Wiseman T.P.* *Cinna the Poet and other Roman Essays.* Leicester, 1974 («Who was Gellius?», p. 121–125).

⁶⁷ Действительно, Маний Валерий Максим, вероятно, диктатор 494 г. до н.э., почти наверняка фигурировал в ряду *summi viri*: его элогий был найден в Ареццо и еще один фрагмент – в Риме, правда, на Капитолии (*Inscriptiones Italiae. XIII. 3. № 78, p. 57 sqq.; № 60, p. 37 sq.*). Однако он не появляется в «*De viris illustribus*» – единственное исключение среди исторических личностей, чьи элогии засвидетельствованы эпиграфически.

⁶⁸ *Braccesi L.* *De viris illustribus e falsificazioni augustee.* In margine ai primi due consoli della Repubblica // RFIC. 1978. 106. 1. P. 63–75. Интерес Юлия Гигина в первой книге его «*De viris claris*» к двум братьям Валериям (согласно Асконию, цит. выше) служит указанием, пусть и слабым, в пользу данной гипотезы, постольку поскольку этому эрудиту, так же как и самому принцепсу, охотно приписывают авторство текстов Форума Августа. См. однако возражения Ж.-К. Ришара (Op. cit. P. 414–417).

⁶⁹ *Coarelli F.* // *Società romana e impero tardoantico / a cura di A. Giardina.* V. 2. Roma – Bari, 1986. P. 20; 401. Not. 90.

окажется даже, что соотнесение с Публиколой и, в частности, с самим местом его дома на Веллии, было живо еще и в начале IV в. н.э. Возможно, император Максенций, носивший имя Валерий, прибег к нему для того, чтобы топографически и идеологически привязать к этому холму свои постройки – последние великие свершения архитектуры языческого Рима*.

THE MYTHICAL PATTERN
OF P. VALERIUS PUBLICOLA'S HOUSES

J.P. Guilhembet

This article deals with the urban dwelling-houses of P. Valerius Publicola, one of the founders of the Roman Republic, often identified with the personage of *Lapis satricanus*. With the intention of understanding the representation of Publicola's «way of inhabiting» Rome as a model for late republican rulers, it analyses in detail all the texts about Publicola's first house at the top of the Velia hill. In them, it is seen as a fortified and tyrannical *domus* and as a potential threat above the forum. Later, it is moved or pulled down by its owner (punishment traditionally imposed on the *adfectator regni's* house). Then Publicola built himself a new house at the bottom of the Velia, on a plot of land conceded by the people, but apparently this gift cannot explain the etymology of his *cognomen*. All these episodes present shades of ambivalence to such an extent that they can hardly arise directly from Valerius Antias; moreover, they form a set of references which exceeds the *gens Valeria*. For instance, C. Sempronius Gracchus may have conformed to the pattern that they outline (Plut. *CG* 12; Cic. *Acad.* II. 5. 13). Furthermore, the narrative about Publicola's houses condenses, in an archetype, two major themes of political polemic or ideal, recurrent at Rome: the dominant houses and the dwelling granted by the city. Thus, it may be considered as a "founding myth" of the Roman Republic.

* Перевод Е.В. Ляпустиной. (При передаче отрывков из сочинений Плутарха, Тита Ливия и Плиния Старшего учтены соответствующие русские переводы В.П. Алексеева, С.П. Маркиша, Н.А. Поздняковой, В.М. Смирнова и Г.А. Тароняна.)